УДК 327

Игорь МАКСИМЫЧЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ: ЗАКАТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Аннотация. Статья посвящена 30-летней годовщине развала ГДР и анализу факторов, которые привели к разрушению государства, которое составляло основу послевоенной системы европейской безопасности, выстроенной Советским Союзом. Ретроспективный анализ событий последних месяцев существования социалистического государства показывает, что к осени 1989 г. в республике сконцентрировались все условия для серьёзного внутривнутриполитического кризиса. Среди них автор выделяет рост количества сторонников оппозиции, создание организационных структур оппозиционных группировок и появление лидеров, способных выдвигать привлекательные программные лозунги, проведение акций, провоцирующих открытый внутривнутриполитический кризис, наличие мощной политической, идеологической и материальной помощи со стороны внешних сил, а также недооценку указанных процессов руководством страны. Упразднение ГДР открыло вереницу государственных переворотов в Восточной Европе, позже получивших название “цветных” революций, и стало прологом демонтажа биполярной системы.

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, объединение Германии, Берлинская стена, “цветная революция”, перестройка.

Прошло тридцать лет с начала стремительного демонтажа сложившегося после мая 1945 г. биполярного мирового порядка. Первой его жертвой стало единственное в истории Германии сугубо миролюбивое немецкое государство, стремившееся построить социалистический строй. Ликвидация ГДР получила некорректное наименование “воссоединение Германии”. Воссоединяться может лишь то, что существовало раньше, но в 1945–1949 гг. Германии не было вообще, а в 1949 г. возникли ФРГ и ГДР, которые никогда не были единым целым. Кроме того, воссоединение – это всегда равноправный процесс слияния образований, ни одно из которых не действует с позиции “победителя”. На деле же от ГДР остался только разрешающий переход улицы зелёный “человечек в шляпе” на восточноберлинских светофорах. Согласитесь, что это не очень много для страны, входившей в первую

© **Максимычев Игорь Федорович** – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** IgorFedMax@yandex.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019154164>

десятку промышленных государств Европы и создавшей у себя почти идеальную систему социального обеспечения населения.

Восточные немцы очень скоро убедились в том, что никто и не собирался всерьёз осуществлять на практике их равноправие с западными немцами, без чего сам термин “воссоединение” превращается в “фейк”. До сих пор “восточники” чувствуют себя гражданами второго сорта и по оплате своего труда, и по нависшим над каждым из них подозрениям в связях с министерством госбезопасности ГДР (“штази”). ФРГ втиснула всю сорокалетнюю историю восточногерманской республики в эти два ненавистных ему слога, объявив “штази” ищадием ада, источником всех бед и главным врагом человечества.

Упразднение ГДР открыло вереницу государственных переворотов в Восточной Европе, получивших нарочито романтические названия “цветных”, “цветочных” или даже “бархатных” революций. Именно поэтому стоит повнимательнее приглядеться к тому, какие движущие причины и целенаправленно созданные обстоятельства привели к разрушению государства, служившего краеугольным камнем послевоенной системы безопасности, выстроенной Советским Союзом на европейском направлении.

Исходная ситуация

Отправная точка процессов, ведущих к радикальным изменениям общественного устройства (как правило, в условиях применения насилия или угрозы его применения), убедительно определяется известной формулой: низы не хотят, а верхи не могут жить по-прежнему. Другими словами, деструктивная энергия масс становится неудержимой при немогущности (или нерешительности) властей прерывающих. В наш век глобализации и растущего переплетения кровеносных систем мировой экономики и политики логично учитывать также явное или тайное вмешательство внешних сил.

Опыт “цветных революций” в Восточной Европе показывает, что успех фронтальной атаки на власть зависит в каждом отдельном случае от комплекса факторов. Необходимо совпадение, по меньшей мере, таких общественных процессов, как (а) достигающий критической массы рост количества сторонников оппозиции, готовых в политических целях прибегнуть к насилию или угрозе его применения; (б) создание отлаженных организационных структур, на которые сможет опереться оперативное руководство наиболее значительных оппозиционных группировок; (в) появление лидеров оппозиции (или их консультантов), способных выдвигать программные лозунги, встречающие отклик в широких массах; (г) выход напряжения в обществе на уровень, позволяющий приступить к акциям, провоцирующим открытый внутривластный кризис; (д) обеспечение эффективного механизма получения достаточно мощной политической, идеологической и материальной помощи со стороны внешних вдохновителей и покровителей сил дестабилизации.

Исход противостояния оказывается предопределённым, когда выясняется, имеется ли у властей воля и решимость защитить конституционный строй. Во многом общий итог урегулирования конфликтной ситуации зависит от того, в какой мере властям удаётся нейтрализовать внешние усилия по разжиганию кризиса – а это, как правило, зависит от эффективной поддержки существующего правительства со стороны его союзников и партнёров.

Ретроспективный анализ событий последних месяцев существования ГДР показывает, что к осени 1989 г. в республике сконцентрировались все условия для возникновения серьёзного внутривластного кризиса. Если до 13 августа 1961 г., когда границы республики оказались закрытыми на замок, у большинства оппозиционно настроенных элементов была возможность сравнительно легко эмигрировать в ФРГ, то после этой даты они вынужденно оставались в республике, множа тем самым ряды внутренних противников существовавшего режима. Пользовавшаяся большим влиянием в ГДР евангелическая церковь, автономия которой власти свято соблюдали (в частности, полиции был запрещен вход в принадлежащие церкви здания), предоставила свою инфраструктуру в распоряжение оппозиционных сил – во многих храмах размещались координационные центры оппозиции, были оборудованы помещения для печатания листовок (ксероксы) и т.д. Фактический запрет на поездки в ФРГ всем, кроме пенсионеров, подсказывал, что лозунги открития границ встретят наибольшую поддержку в массах. Либеральная фразеология советской перестройки благоприятствовала активизации выступлений оппозиции с лицемерными призывами следовать примеру “старшего брата”. Начавшаяся после подписания в 1971 г. Московского договора между СССР и ФРГ нормализация отношений ГДР с Западной Германией, обмен посольствами (“постоянными представительствами”), активизировавшиеся двусторонние культурные обмены способствовали расширению возможностей Бонна оказывать прямую поддержку оппозиционным группировкам в республике. Огромную роль играла умелая информационная политика западногерманского телевидения, передачи которого принимались практически на всей территории ГДР.

Хотя в ходе дезинтеграции ГДР дело так и не дошло до вооружённых столкновений на улицах, подхлёстываемое извне головокружительное развитие событий привело к тем же результатам, какие, с большой долей вероятности, были бы и у несостоявшейся гражданской войны: ГДР перестала существовать, а возникшие на её территории “новые земли” вошли в состав ФРГ. Первая успешная “цветная революция” в Восточной Европе – почти идеальное сочетание затраченных усилий и достигнутого результата. Её опыт оказался весьма востребованным на огромной территории от Югославии до Грузии. Применённая в ГДР схема действий доказала и там свою эффективность. В отличие от ГДР следующие “цветочные” перевороты неизбежно приводили к применению насилия. Победный “разноцветный” марш был прерван лишь в 2014 г. на Украине, когда Крым и Донбасс отказались подчиняться главарям антиконституционного переворота в Киеве.

Накануне

В первой половине 80-х годов XX века незыблемость идеологического и территориального сплочения европейского социалистического содружества ещё не превратилась в фикцию. Прочность Восточного блока базировалась в первую очередь на политической, военной и экономической мощи Советского Союза, но значение имела также и конфигурация его европейского предполя, пролежавшего между передовыми позициями НАТО и границами СССР. Особую роль здесь играла Восточная Германия с расположенной на её территории отлично вооружённой полу-миллионной ударной группировкой советских войск, чьё присутствие на герман-

ской земле восходило к первоначальным послевоенным союзническим урегулированиям. Для СССР, помимо чисто оборонительной военной функции в плане нейтрализации любых возможных угроз со стороны НАТО, огромное значение имели тыловые нужды Группы советских войск в Германии (с 1989 г. Западной группы войск) – транспортировка живой силы и техники, снабжение, охрана коммуникаций. Именно этими нуждами мотивировалось постоянное наличие контингентов советских войск в Польше и Чехословакии, которые вместе с ГДР образовывали “железный треугольник”, полностью исключивший агрессивные акции со стороны НАТО за весь период холодной войны. Внутриполитические осложнения, нараставшие в предшествовавшие годы в Польше и Чехословакии, закрепили за ГДР (с Западной группой войск) функцию несущей опоры системы безопасности Организации Варшавского договора. Это делает понятными причины, по которым у Запада к концу 1980-х гг. возник соблазн вновь попытаться вывести ГДР из оборонительных порядков европейского Востока (первая подобная авантюра имела место в июне 1953 г.). Не было лучшего способа повесить дамоклов меч угрозы развала над всем зданием ОВД, чем ликвидация ГДР. Занятое поиском путей сближения с Западом перестроечное руководство СССР не сумело вовремя принять предупредительные меры.

До начала перестройки, на протяжении практически всего послевоенного периода, ситуация в разделённой Германии находилась в центре конфликтующих интересов Востока и Запада. Советский Союз уделял самое пристальное внимание развивающимся в Восточной Германии процессам и поддержке возникшей на её территории ГДР. В 1961 г., после целой серии опасных международных кризисов вокруг Западного Берлина, с согласия Москвы и частично по её инициативе была возведена Берлинская стена, отделившая западную часть бывшей столицы рейха, сохранившую свой статус оккупированной союзниками территории, от её восточной части, ставшей главным городом ГДР. Параллельно состоялось герметичное закрытие границы между ГДР и ФРГ. Эти непопулярные меры существенно осложнили условия для подрывной работы в ГДР западных спецслужб и организаций и укрепили внутриполитическую стабильность восточногерманской республики. Был также положен конец спонсируемой ФРГ утечке квалифицированной рабочей силы из Восточной Германии. Отныне раскол некогда существовавшего единого германского государства мог считаться полностью завершённым.

В связи с тем, что принятые меры обеспечили неограниченное по времени существование социалистического государства германской нации, ГДР сняла лозунг восстановления единства Германии. Государственный гимн республики стал исполняться без слов, поскольку в тексте встречалось упоминание о “Германии – едином отечестве”. Теоретики правившей в республике Социалистической единой партии Германии обосновывали тезис о зарождении “социалистической немецкой нации”. Смысл новых подходов к национальной проблематике заключался в создании возможно более прочной основы для дальнейшего полноправного существования ГДР в качестве второго германского государства. Если Конституция ГДР 1949 г. гласила: “Германия – неразделимая демократическая республика”, то в пересмотренной в 1968 г. Конституции республика определялась как “социалистическое государство немецкой нации”, а в дополнении в её текст от 1974 г. ГДР характеризовалась как “социалистическое государство рабочих и крестьян” [Hartwig Stoll, 1986: 356]. Хонеккер неоднократно говорил об идущем в ГДР процессе формирования “нового

типа социалистической нации”, тогда как в ФРГ “продолжает сохраняться буржуазная нация” [Гофман, 1989: 104].

Тезис о различиях в национальном самосознании восточных и западных немцев опирался на определённую объективную основу. Исторически в восточной части страны было очень сильно влияние славянского компонента её населения, усилившееся после того, как она приняла огромное количество беженцев и высленцев с территорий, отошедших от Германии после 1945 г. Практиковавшемуся в ФРГ стремительному ослаблению уважения к национальным ценностям и американизации образа жизни западногерманского населения противостояло подчёркнутое сохранение традиционных национальных немецких особенностей в политической реальности республики. После начала перестройки, весьма скептически оцениваемой руководством ГДР, чётко обозначилась тенденция к демонстрации ею своей самостоятельности и по отношению к СССР (“Социализм в цветах ГДР”¹).

Прогрессирующие сдвиги в сторону обособления друг от друга немцев, населяющих оба германских государства, породили в политических кругах разделённой Германии ощущение, что происходит реальное формирование разных наций в ФРГ и ГДР (по типу состоявшегося после Первой и особенно Второй мировой войны размежевания между немцами и австрийцами). В ГДР этот процесс воспринимался позитивно “наверху” и сдержанно “внизу”, в ФРГ наоборот – довольно безразлично “внизу” и с растущей тревогой “наверху”. По обе стороны германо-германской границы крепло впечатление, что предстоящее завершение этого процесса тормозит лишь отсутствие семантического определения происходящего. В частности, практика народного словотворчества не выработала ещё названия для новых наций, хотя потребность в этом ощущалась. Осенью 1989 года такие названия, наконец, появились (поначалу в студенческом сленге Западного Берлина, затем в обыденной речи западных немцев и, наконец, среди жителей ГДР): “осси” для восточных и “весси” для западных немцев. В какой-то мере это объясняет, почему руководство ФРГ спешило присоединить ГДР.

Восточногерманские усилия по стабилизации остающейся неустойчивой ситуации в центре Европы постоянно наталкивались на растущее противодействие со стороны ФРГ, добивавшейся “открытости” германского вопроса даже в условиях разрядки международной напряжённости. Главным юридическим оружием ФРГ оставался её Основной закон, текст которого был согласован 23 мая 1949 г. с западными оккупационными властями сформированным ими же Парламентским советом (обошлись без формального “всенародного голосования”). Закон базировался на закреплении временного, промежуточного характера существования Федеративной Республики. Уже в преамбуле устанавливалось, что он принимается также “от имени тех немцев, которые были лишены права участвовать” в его разработке. Далее следовал “призыв ко всему немецкому народу довести до конца дело единства и свободы Германии”. Способы достижения этой цели были также определены – либо по статье 23: “Основной закон вступит в силу в остальных частях Германии после их присоединения”, либо по заключительной статье 146: “Настоящий Основ-

¹ В 1989 г. в предназначенном для советского читателя тексте Хонеккер подчёркивал: “Мы постоянно исходим из того, что облик социализма цветов ГДР становится привлекательнее прежде всего в той мере, насколько научно-технический прогресс связан с прогрессом социализма сегодня – так можно сказать”, см. [Хонеккер, 1989: 16].

ной закон прекратит своё действие в день, когда вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа”¹. Никакая “новая восточная политика”, никакая разрядка, никакая нормализация отношений с Востоком не меняли стратегической линии ФРГ на поглощение ГДР.

Древнеримский императив “Карфаген должен быть разрушен” оставался постоянным принципом “германской” политики Бонна. Единственное, что вызывало сомнения у западногерманских политиков – это сроки, в которые можно было бы рассчитывать на реальную ликвидацию ГДР. Росли опасения, что поглощение восточногерманского государства потребует сравнительно долгого времени – уж очень важной оставалась ГДР для сохранения позиций Советского Союза в Европе и в мире. Тем более настоятельной ощущалась в Бонне необходимость приступить к процессу разрушения ГДР в самое ближайшее время.

Штормовое предупреждение

Падение ГДР в 1989–1990 гг. обычно связывают с горбачёвской перестройкой, вызвавшей обострение вышедших из-под контроля деструктивных процессов в самом СССР и, следовательно, во всём социалистическом содружестве. Но это не совсем точно. В действительности сила сопротивления республики была ещё раньше во многом подточена разнонаправленностью стратегии руководства обеих стран. В Советском Союзе первое место удерживала задача улучшения материальной обеспеченности жизни граждан – сначала за счёт “внутренних резервов”, а затем путём подключения к западному, “цивилизованному” миру. Специфическая ситуация, сложившаяся в ГДР, уровень жизни в которой был самым высоким среди всех социалистических стран, включая СССР, придала наиболее острое звучание проблеме “свободы поездок” (прежде всего в соседнюю ФРГ) – и неудачная попытка нащупать способ урегулирования этой проблемы стала роковой для восточногерманского руководства.

Исторически сложилось так, что восточные немцы особенно остро переживали практическую невозможность посетить другую часть Германии. Тот факт, что лозунги восстановления германского единства на миролюбивой и демократической основе пользовались в первые послевоенные годы единодушной поддержкой в Восточной зоне оккупации, объяснялся не только антивоенным настроением восточногерманского общества, но и эмоциями более слабого и бедного члена недавно ещё общей семьи. Процветание удачливого сородича вызывали определённую зависть. Восточных и западных немцев связывали многочисленные личные и родственные связи, существовавшие как с довоенных времён, так и после эмиграции значительного числа жителей ГДР в ФРГ. Восточные немцы каждый день видели на экранах своих телевизоров рекламную картинку Западной Германии. Затраты боннского правительства на строительство телевизионных ретрансляционных вышек в Западном Берлине, благодаря которым западногерманские телеканалы могли “простре-

¹ [Weidenfeld / Korte (Hrsg.), 1999: 403]. После 1990 г. статья 23 была удалена из текста Основного закона, но статья 146 лишь переформулирована – таким образом, чтобы сохранилась возможность замены Основного закона “Конституцией, принятой немецким народом свободным голосованием”. В результате какой-то налёт промежуточности у главного документа ФРГ всё же остался. Соседям Великой ФРГ следовало бы взять это на заметку.

ливать” практически всю территорию ГДР, принесли отличные психологические дивиденды. Глушить эти передачи было невозможно технически и не имело смысла политически. Пропагандистские контрмеры не давали должного эффекта.

Граждане республики сравнивали уровень своей жизни не с условиями, существовавшими у союзников по блоку, а с ФРГ, точнее – с той благодатной телевизионной картинкой, которую они принимали за точное и исчерпывающее отображение западногерманской действительности. Несмотря на то, что МВД ГДР с каждым годом увеличивало число разрешений на поездки в капиталистические страны (главным образом в ФРГ), количество желающих посетить Западную Германию или переселиться в неё росло в геометрической прогрессии. Между тем выдача даже временных выездных виз гражданам ГДР, особенно молодым людям, продолжала оставаться обставленной таким количеством бюрократических рогадок, что можно было говорить о генеральном запрете поездок. На этой основе в ГДР возникла своего рода массовая фронда, действовавшая совершенно открыто. Те, кто получил отказ в выездной визе, подавали ходатайства снова и снова. “Отказники” (или “выездники”) прикрепляли к антеннам своих “трабантов” белые ленточки, которые всё чаще можно было видеть на улицах любого города ГДР. Давление на власти упростить процедуру оформления выезда быстро приближалось к критической отметке.

В такой обстановке грубейшей политической и психологической ошибкой стал официальный визит Эриха Хонеккера в ФРГ в сентябре 1987 г. Глава ГДР, появившийся на свет в западногерманской земле Саар и давно рвавшийся посетить родные места, почти ежегодно запрашивал мнение руководства ЦК КПСС на этот счёт. До пришествия Горбачёва ответ Москвы был каждый раз отрицательным: подобные проекты справедливо квалифицировались как несвоевременные. В 1987 г. реакция советского руководства оказалась иной. Давая согласие на западногерманскую поездку Хонеккера, Горбачёв и его советники не потрудились подумать над последствиями, хотя основания для беспокойства были. Всего за три месяца до того, как генеральный секретарь ЦК СЕПГ ступил в аэропорту Кёльн/Бонн на красную дорожку для почётных гостей ФРГ, в центре Берлина раздался тревожный звонок.

В начале июня 1987 года у линии секторального разграничения близ Бранденбургских ворот состоялась стихийная массовая демонстрация граждан ГДР, требовавших убрать стену. Поводом для демонстрации послужило самое банальное событие – транслировавшийся на Восточный Берлин через мощные звукоусилители рок-фестиваль, проходивший три вечера подряд на лужайке перед зданием рейхстага в Западном Берлине. Число восточноберлинских слушателей концертов с каждым разом возрастало. Поскольку скопления людей в приграничной зоне были запрещены, полиция ГДР на третий вечер (это было воскресенье) вообще перекрыла подходы к ней. Толпа недовольных любителей рок-музыки и примкнувших к ним протестантов заполонила ведущую к Бранденбургским воротам широченную аллею Унтер-ден-линден. До поздней ночи полиция не могла утихомирить многотысячное сборище, оглушительно выкрикивавшее хором лозунги с требованием упразднить приграничную зону и разрешить свободное посещение Западного Берлина для граждан ГДР.

Несомненно, западноберлинские организаторы трансляции концерта имели в виду подобный результат, но, надо полагать, были сами поражены масштабами своего успеха – организационной подготовки демонстрации у Бранденбургских ворот почти не чувствовалось. Бросалось в глаза прежде всего то, что у них не было явных вожа-

ков. О спонтанном характере акции говорило отсутствие заранее подготовленных транспарантов или плакатов. “Кричалки” типа “Долой стену!” возникали стихийно. Не вызывало сомнений, что именно проблема “свободы поездок” является той болевой точкой, концентрированное воздействие на которую может вызвать серьёзные сложности для политической системы ГДР. Не видеть этого мог лишь тот, кто не хотел ничего замечать. Но и в Москве, и в Берлине отказались от углублённого анализа причин июньского инцидента и извлечения практических выводов из него.

Подготовка

Первоначальная реакция общественного мнения в ГДР на триумфальный визит Хонеккера в ФРГ носила скорее позитивный характер: большинство восточных немцев сочли его правильным шагом в правильном направлении. Причиной было всеобщее ожидание, что после успеха столь долго откладывавшегося официального посещения руководителем ГДР соседней страны обязательно будут смягчены условия и для поездок туда рядовых граждан. Эти надежды сохранялись, постепенно слабея, на протяжении всего последующего 1988 г., который вошёл в историю экзистенциального кризиса ГДР как затишье перед бурей. Конечно, подземные толчки, возвещающие будущие потрясения, никуда не делись, но интенсивность и размах подготовки к генеральному штурму властных основ оставались преимущественно в узких рамках локальных акций. Власти воспринимали их скорее как второстепенные проявления общего ухудшения морально-политического климата в стране, чем как планомерную подготовку грядущего всеобъемлющего кризиса.

“Свобода поездок” была призвана стать темой, мобилизующей массы, и педалирование именно этой проблемы – наряду с диффамацией органов государственной безопасности (“штази”), главного охранительного механизма республики – стало единой задачей для действий всех сил, враждебных существованию ГДР и её строю. ФРГ методично совершенствовала программу материальной поддержки переселенцев из ГДР, прилагая титанические усилия, чтобы довести до сведения каждого восточного немца детальную информацию об этих льготах (денежные выплаты, дешёвые кредиты, обеспечение доступным жильём и т.д.). Невозможность проверить на собственном опыте соответствие действительности поставляемой западногерманским телевидением картинки способствовало разрастанию в ГДР протестного потенциала, особенно среди молодёжи. С использованием аппарата и технических возможностей Евангелической церкви в ГДР был выстроен сетевой организационный каркас, позволявший активизировать в подходящий момент объединённые силы внесистемной оппозиции.

Почти во всех городах республики вокруг евангелических храмов возникли ударные оппозиционные группировки – частично из прихожан, но главным образом из “отказников”, не относившихся к числу верующих. При неофициальной финансовой и функциональной поддержке со стороны западногерманских политических партий, Евангелической церкви и спецслужб ФРГ они вели устную и печатную пропаганду в пользу реформ, которые изменили бы существующий в ГДР строй. Печатались и распространялись листовки антиправительственного содержания, а также организовывались демонстрации в защиту прав человека, прежде всего в защиту права на свободу передвижения, закреплённого в Хельсинкском Заключительном акте и последующих документах Совещания по безопасности и сотрудни-

честву в Европе¹. “Свободе поездок” была сознательно придана функция главного инструмента взлома политической системы ГДР.

В качестве прикрытия для своей деятельности указанные группировки широко использовали ссылки на горбачёвские реформы в СССР, хотя те не включали в себя пресловутую “свободу поездок”. Отказ руководства СЕПГ приступить к давно назревшим внутренним реформам под предлогом, будто все необходимые нововведения в ГДР давно осуществлены (“Незачем переклеивать обои только потому, что это делает сосед”), послужил причиной феномена, когда на некоторое время Горбачёв стал в ГДР самым популярным иностранным политиком.

Хонеккер был отлично осведомлён о положении дел в СССР и о тех рисках, которые несла с собой перестройка, но никак не хотел понять, что неподвижность ещё более опасна в условиях быстро меняющегося мира. Именно его неосторожное высказывание о Берлинской стене в январском интервью 1989 г. (“Если будет нужно, стена простоит ещё 50 или 100 лет”) привело в действие спусковой крючок кризиса, который унёс ГДР. “Отказники” немедленно объявили непримиримую формулу генерального секретаря ЦК СЕПГ доказательством безнадёжности ожидания подвижек в отношении властей к “свободе поездок”.

Вскоре началась операция “Получить политическое убежище”. Недоступный “отказникам” легальный переход государственной границы был заменён “оккупацией” ими служебных помещений дипломатических представительств ФРГ сначала на территории ГДР, а затем и в столицах других социалистических стран. “Захватившие” помещения люди соглашались их покинуть только при условии предоставления им политического убежища в Западной Германии. Число таких случаев быстро росло, так как восточные немцы как туристы могли без виз посещать европейские социалистические страны в силу специальных двусторонних соглашений.

8 августа 1989 г. постпредство ФРГ в столице ГДР прекратило приём посетителей, ссылаясь на то, что его помещения, включая часть рабочих кабинетов сотрудников, заняты 130 восточными немцами, подавшими прошения о политическом убежище. Вряд ли “оккупация” здания была целиком спонтанной, скорее всего постпредство заранее обещало “захватчикам” официальную поддержку. В любом случае пропагандистский эффект был достигнут оглушительный – весь мир смог убедиться в том, что дела в ГДР обстоят скверно, и всё её население сбежало бы в ФРГ, если дать ему волю. Следующей на очереди стояла Венгрия, где уже прорвавшиеся к власти реформаторы в открытую поддержали начавшуюся акцию граждан ГДР. Для обратившихся в посольство ФРГ в Будапеште был организован специальный палаточный лагерь, открытый для посещения западными журналистами.

19 августа 1989 г. на австро-венгерской границе состоялся так называемый “панъевропейский пикник”, в рамках которого венгры вообще отменили выездной пограничный контроль. Часть отдохнувших в ВНР туристов из ГДР воспользовалась

¹ В Итоговом документе венской встречи представителей государств – участников СБСЕ (4.11.1986 – 19.01.1989) говорилось, например (пункт 20): “Государства-участники будут полностью уважать право каждого на свободу передвижения и местожительства в пределах каждого государства и покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну” [От Хельсинки до Будапешта, 1996: 228]. Согласно договорённости между государствами – участниками СБСЕ все согласованные документы публиковались в СМИ.

случаем, чтобы перебраться в ФРГ через Австрию. В дальнейшем переход граждан ГДР из Венгрии в Австрию был разрешён Будапештом на постоянной основе. Автомшины переселенцев оставались первое время на венгерской территории – из Австрии в ФРГ их бесплатно везли на автобусах.

22 августа был закрыт приём посетителей в посольстве ФРГ в Праге, где также скопились восточные немцы, желающие получить “политическое убежище”. 19 сентября по этой же причине перестало функционировать посольство ФРГ в Варшаве. Западные телеканалы постоянно и подробно освещали злключения “посольских сидельцев”, страдавших, как правило, от жуткой антисанитарии.

Власти ГДР попали в ситуацию жесточайшего цейтнота. Совсем скоро, 7 октября 1989 г., предстояло празднование 40-летнего юбилея республики. Поводы для торжеств действительно имелись. Успехи республики во многих важных областях государственного строительства и экономики были неоспоримы. Однако на этот раз праздничную атмосферу грозила омрачить шумная пропагандистская кампания в западных СМИ вокруг наличия восточногерманских добровольных “узников” в посольствах ФРГ. Нарастала вероятность, что убедительность картины всенародного ликования по случаю 40-летия ГДР будет смазана. Политбюро ЦК СЕПГ решило предоставить всем вовлечённым в политический скандал гражданам республики возможность незамедлительно покинуть ГДР.

“Посольским сидельцам” было предложено вернуться на территорию ГДР и уже оттуда переместиться в ФРГ. Такой способ урегулирования затронул восточногерманских отказников, переполнявших посольства ФРГ в Праге и Варшаве (в столице ГДР всё прошло незаметно вследствие соседства Западного Берлина, а контингент из Будапешта давно уже убыл через Австрию). Для выезжников из Чехословакии и Польши были выделены специальные железнодорожные составы, которые должны были проследовать в ФРГ не иначе как через Дрезден. Уже первая волна эвакуации, состоявшаяся 1 октября, сопровождалась нередко успешными попытками “посторонних” граждан ГДР присоединиться во время остановок поездов к выезжающим, чтобы без проволочек попасть в ФРГ. Интервью со “счастливыми” сразу же попали на телеэкраны. Когда 3–4 октября началась вторая волна выездов, обстановка целиком вышла из-под контроля. В Дрездене толпа штурмовала вокзал с целью получить доступ к поезду, идущему в Западную Германию. Состоявшиеся при этом ожесточённые столкновения с полицией были первыми случаями открытого применения демонстрантами насилия по отношению к представителям власти. В дальнейшем стычки с полицией стали практически каждодневным явлением. Для задержавшихся в Варшаве “отказников” было снято требование проследовать через территорию ГДР. Их отправили в ФРГ самолётами 17 и 20 октября, уже после юбилейных торжеств.

И вновь руководство ГДР проявило вызывающее непонимание серьёзности положения. 1 октября информационное агентство республики АДН опубликовало комментарий на тему о выезжниках, в котором говорилось, что они “своим поведением попрали наши моральные ценности и сами исключили себя из нашего общества. Поэтому никто по ним не заплачет”. Последнюю фразу, которую включил в текст лично Хонеккер, активно использовали в дальнейшем агитаторы, обличавшие “бесчеловечность” режима СЕПГ. Набор лозунгов демонстрантов пополнился ещё одним: “Мы остаёмся здесь!”

С тем чтобы снять хотя бы на время вопрос о выездниках, власти ГДР отменили 3 октября безвизовый выезд граждан республики в социалистические страны. Однако обстановка продолжала накаляться. Набирал силу процесс оформления оппозиционных структур, ставивших вопрос о смене власти. 9–10 сентября на базе вполне официального Движения сторонников мира возник “Новый форум” в качестве политической крыши, объединяющей и координирующей все оппозиционные группы в республике. 7 октября было провозглашено создание Социал-демократической партии ГДР. Особое значение приобрела переориентация руководства Христианско-демократического союза ГДР на лидера его западногерманского “собрата”, которым был определявший политику ФРГ федеральный канцлер Гельмут Коль. Это предварительное партийное “мини-слияние” предопределило во многом высокий темп и односторонний характер процесса поглощения ГДР.

Список литературы

Гофман Ю. (1989) *К вопросу о развитии немецкой социалистической нации в ГДР – опыт и перспективы, в: Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей*, Международные отношения, Москва, Россия, с. 104.

От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах (1996) Наука. Москва, Россия, с. 228.

Хонеккер Э. (1989) “Единство и многообразие социализма” в кн.: *Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей*, Международные отношения, Москва, Россия, с. 16.

References

Gofman Yu. (1989) *K voprosu o razvitii nemeckoj socialisticheskoy natsii v GDR – opyt i perspektivy, v: Socializm nacional'nyh cvetov GDR. Sbornik statej*, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, p. 104.

Honecker Erih. (1989) „Edinstvo i mnogoobrazie socializma“ in: *Socializm nacional'nyh cvetov GDR. Sbornik statej*, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, p. 16.

Ot Hel'sinki do Budapeshta. Istoriya SBSE/OBSE v dokumentah (1996) Nauka, Moscow, Russia, p. 228.

Stoll Klaus Hartwig (1986) *Die DDR – ihre politische Entwicklung*, Frankfurt am Main, Diesterweg, S. 356.

Weidenfeld Werner / Korte Karl-Rudolf (Hrsg.) (1999) *Handbuch zur deutschen Einheit 1949-1989-1999, Bundeszentrale für politische Bildung*, Bonn, S. 403.

Accession: the Decline of the German Democratic Republic. Part One

Author: Maksimych I., Doctor of Sciences (Politics), Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** IgorFedMax@yandex.com

Abstract. The article is dedicated to the 30th anniversary of the dissolution of the German Democratic Republic and the factors resulting in the collapse of the state, which served as the basis of the post-war security system created by the USSR. The retrospective analysis of the events, which took place during the last months of the socialist state, reveals that by the autumn of 1989 the republic had been facing all the pre-conditions typical for the internal crisis. The author distinguishes the growth of the opposition supporters' number, the creation of the opposition organizational structure and its leaders who put forward the attractive slogans and organized the actions provoking the severe crisis, the availability of the strong political, ideological and material support by the external actors and underestimation of mentioned processes by the state leadership. The GDR dissolution led to the so-called “color-coded” state coups in the East Europe and was a prelude to the bipolar system dismantling.

Key words: German Democratic Republic (GDR), German Federal Republic, Reunification of Germany, Berlin Wall, “color-coded” revolution, Perestroika.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019154164>